

УДК 94 (470): 368.032.1
ББК У 29

Ю.Н. Спиридонова

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ АКЦИОНЕРНЫХ СТРАХОВЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИИ

Представлен анализ создания и развития первых отечественных акционерных страховых обществ в конце XIX – начале XX вв. Рассматриваются исторические предпосылки, условия возникновения и развития института социального страхования в России. Отображена роль учредителей и акционеров первых страховых компаний. Проанализированы первые шаги отечественных предпринимателей на страховом рынке до того момента, когда они уже играли на этом рынке немалую роль, добились определенных достижений и имели свою нишу на российском рынке страховых услуг. Также показано иностранное участие в русском страховом деле.

Ключевые слова:

страхование, учредительства, страховые товарищества, страховые общества, страховое законодательство, виды страхования

Во второй четверти XIX в., когда повелением императора Николая I была образована первая в России страховая компания на акциях, акционерный капитал в страховом предпринимательстве выполнял несколько функций первостепенной важности. Прежде всего он гарантировал безостановочное удовлетворение кредиторских претензий к предприятию (главными кредиторами страховой компании выступают держатели полисов). Исключительно важной была его роль в начальный этап работы страховых обществ на рынке. За счет средств, внесенных акционерами, покрывались немалые расходы организационного периода.

Интерес к первому опыту создания акционерной страховой компании в петербургских деловых кругах был немалый – список акционеров насчитывает 643 фамилии и купеческие фирмы. Но среди них довольно мало обладателей не только сверхкрупных, но и просто крупных пакетов. В числе первых семеро основателей Первого общества: первой гильдии купец Егор Алексеевич Жадимеровский (300 акций), коммерции советник Венедикт Венедиктович Крамер (300), граф Юлий Помпеевич Литта (300), адмирал Николай Семенович Мордвинов (300 акций), коммерции советник Прокофий Иванович Пономарев

(300), граф Северин Потоцкий (100), барон Людвиг Штиглиц (300).

На пакет в 60 штук акций подписалось 38 человек, в основном аристократы и крупные купцы, торговавшие при Санкт-Петербургском порте. Среди мелких акционеров также немало богачей – дворян и купцов.

Генерал-адъютант А.Д. Балашов владел пакетом из 15 акций, шталмейстер А.В. Васильчиков – 25; баронесса С.И. Велио купила 15 акций, герцог Александр Виртембергский – 20, обер-прокурор И.И. Волков – 8, князь П.М. Волконский – 30, действительный статский советник Ф. Вронченко – 45, князь И.А. Гагарин – 16, князь К.Ф. Друцкой-Любецкий – 8, граф В.П. Кочубей – 50, граф К.В. Нессельроде – 50, князь В.Ф. Одоевский – 4, действительный тайный советник М.М. Сперанский – 10, князь и княгиня Юсуповы – по 30 штук. Среди акционеров были несколько петербургских ювелиров и даже придворная актриса Нимфодория Семенова (16 акций).

К участию в обществе проявили почти полное равнодушие московские и провинциальные коммерсанты. Первогильдейский купец из Москвы И.А. Колесов приобрел 8 акций, московская фирма «Марк и К^о» – 16. Астраханский рыбопромышленник Сапожников подписался на 17 акций.

Компаньон Штиглица по деловым операциям в Петербурге купеческий дом «Мольво с сыном» приобрел 16 акций. Удивляет небольшое участие придворного банкира А.А. Раля – всего 7 акций [2, с. 34]. Впрочем, в то самое время Раль испытывал трудности с текущими платежами кредиторам. Спрос на акции Первого общества оказался большим. Вопрос в том, насколько этот спрос был платежеспособен. О процедуре подписки на акции мы ничего не знаем. Не знаем мы, какую роль в ней сыграл купеческий капитал. Можно лишь предполагать широкое участие в ней денег Штиглица и других состоятельных купцов Петербургского порта, в большинстве своем иностранцев.

Общество 1827 г. работало с самым блестящим результатом и, вместо того, чтобы покрывать убытки путем взноса денег по акциям, акционеры получали дивиденда 40–50 % на капитал при самых ничтожных оборотах по страховым операциям – об этом помнили много лет спустя [16, с. 21].

Коммерческие успехи общества отразились на биржевых курсах его акций. Если в 1827 г. цена одной акции на бирже Санкт-Петербурга составляла 57 руб. 14 коп. серебром, то к 1850 г. она дошла до 600 руб. серебром за акцию [9, с. 12].

Своим успехом общество было обязано во многом мощной правительственной поддержке, проводившейся сразу по нескольким каналам. Как пионеру в области огневого страхования, «Российскому страховому от огня обществу, учрежденному в 1827 год» (таково официальное название предприятия) было даровано сроком на 20 лет монопольное право на производство операций по страхованию имущества от пожаров в обеих столицах, губерниях Петербургской, Московской, Курляндской и Эстляндской, а также городе Одессе. Общество получило также освобождение от всех налогов.

В рекламном проспекте Первого общества говорилось, что независимо от обеспечения имущества от пожаров, страхование строений и товаров открывает желающим средства к различным оборотам.

Окрыленные достижениями Первого общества, организаторы второй компании огневого страхования рассчитывали обернуться с таким же капиталом – 2 млн рублей ассигнациями. Деньги удалось собрать достаточно быстро, но правительство обеспокоилось тем, что среди акционеров преобладали иностранные купеческие дома. Поэтому оно настояло, чтобы часть бумаг была реализована среди тех, кому предстояло страховаться в обществе. Вы-

яснилось, что в российской глубинке с деньгами туго и потому неразобранная часть была предложена к подписке среди петербургского чиновничества.

Второе страховое от огня общество получило право на монопольное производство операций на территории, которая не вошла в круг действий Первого общества (40 губерний), на период до 27 июля 1847 г., т.е. до окончания срока привилегии Общества 1827 г. Имущество, застрахованное во Втором обществе, также дозволялось принимать в залоги по ссудам в государственных кредитных установлениях и по обязательствам перед казной.

От исполнительной власти Обществу была дарована еще одна существенная льгота. Учитывая, что действовать обществу приходилось на обширной территории и, соответственно, нести значительный расход по аквизиции (приобретению страхований), первоначально обязанности страховых агентов выполняли почтовые чиновники, за услуги которых, согласно постановлению правления от 11 мая 1835 г., отчислялось 5% собранной премии. В 1846 г. из 194 агентов Второго страхового от огня общества было 114 почтмейстеров. Лишь с учреждением в 1847 г. товарищества «Саламандра», в состав правления коего вступил управляющий почтовым департаментом генерал-адъютант граф Адлерберг, почтмейстеры стали принимать на себя агентуру вновь учрежденного товарищества «Саламандра» – сказано в официальной истории Второго общества. В реализации его акций на местах принимало участие Министерство внутренних дел [6, с. 6–7].

Не было обойдено правительственным вниманием и первое в России предприятие страхования жизни. Инициатором его создания явился прусский подданный, купец Ф.Д. Шведерский. В 1834 г. он обратился в высокие правительственные инстанции с ходатайством об учреждении общества страхования капиталов и пожизненных доходов с предоставлением ему некоторых исключительных преимуществ. Рассмотрев ходатайство, Государственный Совет постановил: разрешить учреждение компании на акциях и даровать исключительное право на 20 лет принимать разного рода страхования, не отнимая страхового права у сберкасс, обществ при Евангелических церквях и приходских училищ.

Предприятие Шведерского было освобождено от всех налогов, исключая пошлины в пользу казны по 25 копеек в год с каждой тысячи рублей платимых обществом капиталов и полпроцента с пожизненных

доходов [13, с. 9]. Успех общества на первых порах был ничтожен – в России при крепостном праве отсутствовал необходимый контингент страхователей. Но льготы помогли ему по крайней мере, удержаться на плаву и дождаться лучших времен.

Дела Второго общества страхования от пожаров пошли не столь успешно, как Первого, и поэтому при учреждении третьей по счету компании огневого страхования (товарищества «Саламандра») в 1845 г. был запроектирован акционерный капитал в сумме уже 3 млн рублей серебром – 6 тысяч паев по 500 рублей за пай.

Паи товарищества «Саламандра» разошлись в подавляющем большинстве среди иностранных коммерсантов и их комиссионеров в Петербурге. Торговый дом «Д. Лодер и К°» приобрел 210 паев, «Луттерет и К°» – 166, «Симон Якоби и К°» – 512, Л. Штиглиц – 982. Из высших сановников удалось заинтересовать паями страхового предприятия лишь тайного советника Опочина (2 пая) и генерал-адъютанта Перовского (18 паев) [2, с. 35]. Участие купцов с русскими фамилиями и дворян в паевом капитале «Саламандры» было более чем скромным. В числе учредителей и акционеров всех четырех страховых компаний был Л. Штиглиц – хорошо известный в России и за границей придворный банкир, биржевик, коммерсант и промышленник. Вместе с ним, можно думать, подписывались на акции его должники и деловые партнеры. В числе последних известна банкирская фирма Николая Молво, которая фигурирует в списке акционеров Первого общества.

Трудности с реализацией акционерных капиталов первых страховых компаний порождались хронической нехваткой денежных капиталов в стране. Из отечественной научной литературы мы знаем, что уже в первой половине XIX в. Россия не испытывала нехватки в богатых и предприимчивых людях. В.Н. Яковцевский пишет о «скоплении в руках немногих несметных богатств» [18, с. 188].

Российские купцы «наживали большие состояния на продаже вина, на крупных казенных подрядах, на поставках в армию и на колониальном грабеже национальных районов»; новая буржуазия учреждала промышленные предприятия и своим обликом сильно отличалась от старого гильдейского купечества: «...она была предприимчивее и энергичнее, меньше опиралась на монополии и привилегии, дарованные сверху, лучше разбиралась в меняющихся рыночных отношениях» – сообщает ака-

демик Н.М. Дружинин [17, с. 228]. Сказанное обоими учеными в общем верно, но их мнение о накоплении крупных денежных капиталов во внутренней торговле нельзя считать доказанным.

В статьях Н.М. Дружинина, посвященных генезису капитализма и промышленному перевороту в России, проблема образования капиталов именно в денежной форме не исследуется вообще [4, с. 24].

Значительное накопление денежных капиталов просто трудно представить себе в крепостной России. До реформы Е.Ф. Канкринна официальной денежной единицей считался ассигнационный рубль, неразменный на серебро. Даже Государственный Заемный банк и тот требовал бумажных денег, отказывая должникам в праве расплачиваться серебряными деньгами.

Гораздо более правильно по сравнению с советскими историками трактует своеобразие русского купеческого капитала американский историк и политолог Ричард Пайпс – «товар был основной формой капитала ... Русская коммерция тяготела к натуральному товарообмену» [11, с. 272].

Богатство верхушки российского купечества и помещного дворянства первой половины XIX в. заключалось в недвижимости, товарах, вкладных билетах дореформенных кредитных установлений и разного рода долговых обязательствах. Популярностью пользовались изобретенные Канкриным «серии», которые ходили как процентные деньги.

Лишь сравнительно узкая прослойка купечества, связанная с внешнеторговыми операциями по западной границе империи, располагала более-менее значительными суммами валютных денег. В 1843 г. Ф. Вогау, московский второй гильдии купец, производивший торговлю в Москве и на Кяхте привез товаров на 98.687 рублей серебром, а отвез на 19.793, а всего на 118.480 рублей. В 1858 г. его оборот составил уже 960.991 руб. Савва Морозов, богородский первой гильдии купец, в том же году привез товаров через Санкт-Петербург на сумму 735.400 руб. сер.; И. Лепешкин, московский первой гильдии купец – на 718.046 руб. По сравнению с ними оборот Людвига Кюпа, норвежского первой гильдии купца, выглядит скромно – всего 326.325 руб. [3, с. 164].

В 50–60-е годы русские купцы стали куда активнее, чем прежде, заниматься экспортно-импортными операциями, выходили на международный рынок. Так, для непосредственного сравнения со своими зарубежными партнерами по поставкам товаров для фаб-

ричного производства Хлудовы открыли в Ливерпуле отделение своей фирмы. Там же держали контору и владельцы Никольской мануфактуры Саввы Морозова: помимо закупок сырья и машин для фабрик, они занимались еще и сбытом за границу хмеля, разведением которого промышляли крестьяне Богородского уезда.

Из-за слабого развития внутренних рыночных отношений и крайне ограниченного участия российских купцов в международной торговле страна испытывала острый дефицит универсальных средств обращения. Вспомним, что известный всему миру кяхтинский торг с 1800 по 1855 гг. производился вообще без участия денег и кредита, посредством простой мены. Запрещение покупать у китайцев товары на золото и серебро диктовалось соображениями меркантилистской торговой политики, цель которой заключалась в накоплении драгоценных металлов в стране. Патриархальная меновая торговля производилась и на Оренбургском гостином дворе. В Сибири она процветала вплоть до октября 1917 г.

Отмена кяхтинской монополии была крупной внутриполитической ошибкой российского правительства. Как следствие бедности денежными капиталами во внутреннем товарообороте страны получили распространение весьма колоритные правила и обычаи, удивлявшие иностранцев. В среде состоятельного российского купечества сложилась своеобразная деловая этика. Например, в обычае купцов не предъявлять просроченные векселя должников к протесту усматривается даже благодарство поступков [1, с. 50].

Дело тут, конечно же, совсем не в соображениях высокой морали. Московские толстосумы избегали вексельных протестов, руководствуясь трезвым расчетом, гласящим, что «береженого Бог бережет» [8, с. 9]. Внутренняя торговля питалась ростовщическим кредитом. Простой вексель, повсеместно распространенный во внутреннем российском товарообороте, выступал как его орудие. Нежелательные подробности, предаваемые огласке в ходе судебных тяжб о банкротствах, серьезно подрывали престиж крупного купечества в глазах общественного мнения.

В России ростовщические сделки – взимание чрезмерных процентов и кабальные условия займа – запрещались законом [14]. Запрет обходили следующим образом: помимо начисления легальных 6–8% годовых за срок при расчете на векселя, продавец-оптовик накидывал еще примерно столь-

ко же на сумму сделки в качестве комиссионного вознаграждения. Таким образом, рост скрывался в цене товара. При учете финансовых векселей то же самое, помимо платежа процентов вперед в размере 6–8% годовых, вполне легально еще взималась комиссия до 12% [15]; таким образом действительный процент в вексельной ссуде составлял 18% годовых и выше.

Подобный заем лишь в насмешку может быть назван кредитом. Ссуда же требует залога. В обычае российских ростовщиков – купцов, дисконтеров, закладчиков – было требование, чтобы стоимость залога многократно превосходила размер задолженности клиента. Для крупных купцов не составляло большого труда заставить своих контрагентов принять в «нагрузку» к хорошему товару товар безусловно плохой, например, просроченный вексель или что-либо еще в этом роде, в зависимости от обстоятельств.

На склоне лет Н.А. Варенцов вспоминал, как в 80-е годы XIX в. составлялся капитал Среднеазиатского Товарищества «Н. Кудрин и К°». Фабриканты-текстильщики, кровно заинтересованные в развитии торговых сношений со среднеазиатскими колониями России, «подписывались на паи, но, по своему мировоззрению, вместо кредиток за паи вручали залежавшиеся у них товары, то есть брак». Владелец процветавшего текстильного предприятия, богач А.А. Лосев расплатился за купленные им паи партией залежалого чая, который был впоследствии продан с большой уступкой в цене [7, с. 56].

Мануфактурой за паи «Н. Кудрина и К°» расплачивались и такие пайщики товарищества как Тимофей Саввич Морозов (Товарищество Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°»), Николай Николаевич Коншин (Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове), Давид Иванович Морозов (Богородско-Глуховской мануфактуры), М.А. Хлудов (Товарищество Ярцевской мануфактуры Алексея Хлудова), П.П. Малютин (Товарищество Раменской мануфактуры) [12, с. 9].

Капитал страховых компаний подобным образом собираться не мог. Страхование уже тогда вполне обнаружило свою интернациональную природу, а заграничному партнеру, будь то коллега-страховщик или клиент-страхователь, не вернешь в уплату за убыток негодный вексель, бракованный ситец или заплесневелый чай. Поэтому страховые общества и в первой половине XIX в., и в более позднее время требовали производить все платежи наличными деньгами.

В инструкции для агентов Первого общества сказано: «Общественные деньги должны быть высылаемы в правление в переводных билетах Государственного банка или в переводных билетах частного банка или кредитными билетами» [15].

Вот почему среди акционеров первых российских страховых компаний столь видное место занимали иностранцы, имевшие в Петербурге свои конторы – они вели дела с заграницей, постоянно покупали и продавали тратты (переводные векселя) на зарубежные банкирские дома и свободные капиталы держали в наличных деньгах. Их коммерческий интерес далеко не во всех случаях связывался с получением доходов по акциям страховых компаний.

Внимание иностранцев к российскому страховому делу вытекало не в последнюю очередь из их экспортно-импортных операций, которые базировались на кредитных сделках. Последние обеспечивались ценными залогами, а их, естественно, требовалось страховать в надежных учреждениях. Впоследствии кодифицированному, страховые полисы на имущество должника передавались кредитору, и он получал право на страховое вознаграждение в случае несчастия с залогом.

Иностранное участие в русском страховом деле оставалось заметным и в последующее время. В списке акционеров Московского страхового общества к общему собранию 12 марта 1906 г. фигурирует несколько десятков явных иностранцев, большей частью с мелкими пакетами. Исключение составил Торнтон Ли Вильям, владелец 100 акций [10, с. 14]. Генеральное общество страхования жизни и пожизненных доходов вообще было создано в 1901 г. на средства предпринимателей из Голландии.

Равным образом организаторы страховых компаний старались привлечь в число акционеров представителей исполнительной власти, рассчитывая на их поддержку и покровительство. Так московский генерал-губернатор А.А. Закревский подписался на акции Московского страхового от огня общества. Последним страховым предприятием, получившим прямую правительственную помощь в тяжелое для него время, стало Санкт-Петербургское общество страхований. Ему были переданы казенные страхования жизни, заключенные в царстве Польском. Но обе эти компании создавались уже в следующую эпоху истории русского страхования, прошедшую под знаком индустриализации.

Список литературы:

- [1] Аксаков И.С. Письма к родным. – М., 1994. – 165 с.
- [2] В память 50-летнего юбилея Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году. Исторические и статистические сведения о деятельности общества за 50 лет. – СПб., 1877. – 130 с.
- [3] Государственная внешняя торговля в разных её видах за 1843 год. – СПб., 1844. – 230 с.
- [4] Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. К вопросу о генезисе капитализма в России // Дружинин Н.М. Избранные труды [Текст] Кн. 2: Социально-экономическая история России / Н.М. Дружинин; отв. ред. С.С. Дмитриев; Акад. наук СССР, Отд-ние ист.; Ин-т ист. СССР. – М.: Наука, 1987. – 421 с.
- [5] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX века. – М., 1967. – 350 с.
- [6] Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Второго Российского страхового от огня общества (1835–1885). – СПб., 1885. – 23 с.
- [7] Лаврычев В.Я. Московские фабриканты и среднеазиатский хлопок. // Вестник МГУ. Серия IX. История. – 1970. – № 1. – С. 56–57.
- [8] Максимов В.Я. Ростовщичество. Закон о преследовании ростовщических действий с изложением рассуждений, на коих он основан и разъяснениями правительствующего Сената. – М., 1911. – 68 с.
- [9] О цели и действиях Первого Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1827 году. – СПб., 1850. – 43 с.
- [10] Отчет о торжественном собрании по случаю пятидесятилетия деятельности Санкт-Петербургского общества страхований 18 июня 1908 года. – СПб., 1908. – 35 с.
- [11] Пайпс Р. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М., 1993. – 385 с.
- [12] Первое Российское страховое общество, учрежденное в 1827 году. – Инструкция агентам и первое к этой инструкции прибавление. – СПб., 1906. – 56 с.
- [13] Пятидесятилетие Высочайше утвержденного Российского общества застрахования капиталов и доходов. 1835–1885. – СПб., 1885. – 145 с.
- [14] ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 7. Д. 279. Л. 149. «Из протокола допроса И.А. Марголина, киевского 2-ой гильдии купца».
- [15] ЦИАМ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 24. Л. 65об.
- [16] Шахт А.А. Практика огневого страхования. – Пг., 1915. – 150 с.
- [17] Шацлло М.К. Московское предпринимательство. Деловая этика. // История Москвы с древнейших времен до наших дней в 3-х томах. Т. 2. XIX век. – М., 1997. – 430 с.
- [18] Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М., 1953. – 265 с.